

На память моим потомкам

История еврейской солдатской вдовы времен Российской Империи

Из кн. Якова Каплана «Отчет» - несколько эпизодов из жизни одного тартуского еврея. Тарту, изд. Тартуск. Ун-та,» 2001.

Перевод с эстонского Инны Теплицкой.

Скоро глубокий белый снег снова покроев мою почти забытую могилу на земле освободителей в г. Тарту на ул.Роози 46, где я покоюсь уж скоро 80 лет. На небольшой могильной плите из белого мрамора есть надпись на иврите и эстонском языках. Верхняя часть плиты разбита вандалами. Сама плита была сдвинута с места, но городские власти поставили ее назад. Один-два раза в году на мою могилу приезжают из Палестины мои правнуки. Они – с Ааронова колена – коэны (коганы), то есть происходящие из священного сословия, им вообще посещение кладбищ запрещено, однако хоть я и воспитывалась в строгости, я бы их за это простила.

Из ныне живущих меня еще помнят два человека – мой младший внук Самуил, которому сейчас больше 80-ти лет, и жена моего старшего внука Миши Гита. Она вышла за него замуж через 3 года после моей смерти, в 1926 г. Эта смуглая девушка, тогда гимназистка, а позднее – студентка Тартуского университета, была из местных, через 3 года ей исполнится 100 лет¹. Она живет в Палестине, на земле праотцов Авраама, Исаака и Якова – на обетованной земле, куда она прибыла после всего, что пережила в заключении в Нарыме (Сибирь) и позднее на Северном Урале, откуда она со своим мужем, моим внуком Мишей, вернулась почти слепой. Только благодаря помощи тартуских окулистов докторов Шоттер и Кропман она еще продолжает видеть.

Впервые я приехала в Тарту осенью 1877 г. после гибели моего мужа в Русско-турецкой войне (по еврейскому календарю 26 тишрея 5638 г.). Прибыла я с дочерью и двумя сыновьями к своим братьям.

Родилась я в жестокое время – в 1840 г. (по другим данным – позднее на 3 года) в поселке Вевье в Литве (теперь Виевис). Это местечко тогда уже более 50 лет входило в Российскую Империю, и прошло уже 13 лет, с момента принятия указа о кантонистах – настоящей инквизиции для детей. 26 августа 1827 года Император Николай I предписал забирать в кантонисты мальчиков начиная с 12 лет. Но на местах в кантонисты попадали даже семилетние. До конца моих дней у меня стоял в ушах детский крик и душераздирающий плач матерей.

---

¹ Книга напечатана в 2001 году.

Бабушкин надгробный камень на кладбище на ул. Роози 46 в Тарту

Я родилась в многодетной семье и по еврейскому обычаю получила два имени – Двора-Малка (буквально – «королева-пчела»), фамилия наша – Закович, но это ничего не значило, потому что мои братья за деньги приобретали фамилии, которые им нравились – Закович, Зак, Розинко, Гордон, Каплан, Муршак. Мой муж тоже был Каплан, но это была настоящая его фамилия. Его призвали на войну, т.к. он не был единственным сыном в семье. А фамилия произошла от слов – священнослужитель – коэн – Каплан. В армии надо было служить 25 лет, но на самом деле служили дольше, так как стаж начинали засчитывать только после исполнения 18 лет. В Эстонии кантонисты служили в Таллинне, Тарту, Рапла, Муствээ. Многих детей насильственно крестили, особенно после 1840-х гг. Были

случаи, когда такие дети кончали самоубийством, топились, часть же мальчиков, несмотря на такую инквизицию, остались верны вере отцов. Позднее из них выросли члены еврейских общин в Тарту, Нарве, Хельсинки, Выборге и многих других местах. Это жуткое время длилось до смерти императора Николая I. До тех пор еврейские общины должны были поставлять в армию значительно больше рекрутов, чем другие общины. Эта проклятая система породила нарушителей закона, которые крали еврейских мальчиков в других общинах, как в Африке белые крали черных рабов. Так что мы жили не в очень-то счастливое время. В 1856 г. при Александре Втором жизнь кантонистов несколько улучшилась.

Мое родное местечко Вевье находилось в живописном месте примерно в километре от одноименного озера, на земле помещиков Огинских. Из этой знатной польской семьи вышли музыканты и общественные деятели. Примерно 40% населения поселка составляли евреи, по соседству жили татары и поляки, чуть дальше – евреи-караимы, которых теперь евреями не считают. Здесь жили также литовцы. Во время Второй мировой войны литовцы 22 сентября 1941 г. (во время еврейского Нового года) избили евреев Вевье до полусмерти, отвезли в поселок Семилишоки и всех там убили 6 октября 1941 г. Так поступили с моими односельчанами, все они были грамотные, мужчины владели ивритом, часть знала и арамейский язык. Что бы ни говорили, при царизме в 1795-1915 гг. жить было все же легче, чем при красных, которые и язык-то еврейский запретили...

Когда мне исполнилось 18 лет, как раз закончили строить шоссе Петербург-Кенигсберг, позднее оказавшее большое воздействие на всю округу. Я вышла замуж за Моше Мордхая Каплана. Он родился в Тавриге (ныне Таураге, Литва), это село было намного больше нашего и находилось в 8-ми километрах от границы с Германией. Свадьбу сыграли по всем еврейским правилам, и с тех пор до конца жизни я, по еврейскому обычаю, носила парик. Жили мы без особых потрясений, все хвалили хорошего императора. Появилось много нового – железная дорога, много разных фабрик, книг, газет... В целом евреи Виленской и после 1843 г. – Ковенской губернии – были людьми образованными. И Вевье и Тавриг входили тогда в Ковенскую губернию. Они относились, кроме этого, еще к двум мирам – российскому и немецкому, было и польское влияние, хотя этого государства после третьего раздела уже не существовало [а осенью 1939 г. предстоял еще четвертый раздел]. Центром являлся Вильно со своими типографиями и религиозными школами. Особенно большое влияние на евреев оказал умерший в 1797 г. 77-летний гений рав Элиагу (т.н. Вильнюсский Гаон). Он указывал нам путь и в более тяжелые времена – в кантонистских ротах и батальонах. Он остался в доброй памяти многих евреев от Аландии (острова западнее нынешней Финляндии, тогда Российская империя) до Иркутска.

В Аландии в крепости Бомарсунд на Папинсааре в 1831-1850 гг. служили Российские кантонисты, шестеро из них там умерли. Их могилы находятся под охраной государства как исторические памятники. Найти место их захоронения довольно трудно, так как жители острова говорят на наречии, далеком от финского языка, но надо назвать деревеньку Прясто – в лесу, недалеко от нее находятся могилы.

По инициативе моего праправнука Якова в 1997 г. в Палестине была выпущена марка памяти Виленского Гаона, а в 1992 издана книжка с фотографиями места захоронения еврейских солдат на Папинсааре.

Жили мы и в самом Вильно, время шло, люди познавали окружающий мир. В 1846 г. в Вильне побывал известный защитник и заступник евреев Моше Монтефиоре (1784- 1885). Мой праправнук в 1999 г. посетил в Лондоне синагогу на улице Бевис Маркс, построенную в 1701 году в португальском стиле. В ней до сих пор сохранено место великого Монтефиоре, отделенное от других молящихся небольшой цепочкой. Никому не позволено туда садиться.

В Вильне жил Абрахам Симхович Каценеленбоген (1798-1873), написавший интересную книгу «Паровая машина», вышедшую в свет в Данциге в 1846 г. и свидетельствующую о современных достижениях науки.

Наша семья поддерживала связи со всеми братьями – и живущими в Ямбурге и Ораниенбауме (Ингерманландия), и обосновавшимися в Лифляндии (Лиивамаа) Муршаками и Розинками. Последние жили в Тарту уже до 1860 г. и внук брата Германн был убит красными захватчиками 9 июля 1941 г. вместе с 192-мя ни в чем не повинными эстонцами, среди них педагог и детский писатель Юри Парийыги. Его книга «Стальной мальчик» была издана в Палестине в 1953 г. на языке иврит.

Особенно хорошие письма приходили от Розинков – они хвалили свой чистый и опрятный город, жители как самого Тарту, так и северной части Лифляндии были образованными людьми и процветали, несмотря на то, что землей владели немцы, а не потомки местного народа, язык которого был похож на ингерманландский и язык Великого Финского княжества. В Тартуском университете учились и еврейские студенты, с 1875 г. работала еврейская школа, где позднее учились мои праправнуки. Жизнь наших родственников в Тарту шла без особых трудностей, к евреям отношение было доброжелательным и толерантным.

В это же время по указу императора были упразднены школы и поселения кантонистов, и наступил 1874 г., когда в Российской Империи была введена Всеобщая воинская повинность. Исчез Дамоклов меч над еврейскими семьями, это позволило им вздохнуть с облегчением. Все жили в мире и согласии с мужьями и детьми. Правда, мой муж был по характеру очень вспыльчив, но он же был из кознов...

Вильно стал значительным в эстонской истории городом, именно там было создано пехотное училище юнкеров, в нем получили военное образование многие эстонцы, в том числе и генерал Йохан Лайдонер. Позднее бывшие юнкера применили полученные знания на полях сражений.

В Тавриг я больше не ездила. Судьба местных евреев не отличалась от судьбы других евреев «мамы Литвы». Наступали страшные времена – часть литовских евреев были высланы на землю Коми, где большинство умерло от голода. Затем, во время немецкой оккупации, все оставшиеся евреи были убиты в Вижбутае, Антошунии и других местах как литовцами, так и немцами. 16 сентября 1941 г. пьяные литовцы убили 513 евреев, вытащив у еще живых людей золотые зубы и отняв одежду (правда, нижнее белье им оставили). На маленьких детей патронов

не тратили – их черепа разбивали о камни и деревья. В Тавриге до войны жили примерно 2 тысячи евреев, в 1959 г. – шесть человек.

Архив местечка потерялся в годы Второй мировой войны. Мы жили в Литве более 600 лет. К сожалению, я не знаю, откуда мы туда пришли – может быть, из Германии, а может быть, из Таврии (Крымский п-ов), во всяком случае, наш язык идиш отличается от того, на котором говорили евреи в Западной Польше, Галиции, Украине, Румынии и Словакии. Ведь по языку можно определить, откуда еврей происходит, «литвак» он или нет. Мы также не хасиды, а «миснагдим» (противники), наши молитвы и ритуалы отличаются от соблюдаемых названными выше евреями.

Так мы и жили, когда внезапно в 1877 г. вспыхнула война с Турцией. Хотя в предыдущие годы мы слышали о беспорядках на Балканах – война все же была неожиданной, это все было далеко от нас. Хотя и к нам, в Литву приезжали посланники из Иерусалима, Хеврона, Цфата, Тиберии собирать пожертвования – все они входили в Оттоманский султанат. В нем жило много евреев – в Турции, Болгарии, Месопотамии. Муж мой уже не был очень молодым, но волей случая его мобилизовали, а через несколько месяцев пришло сообщение о его гибели, и я получила, как вдова солдата, право жить в любом месте Российской империи. Где и как погиб наш муж и отец, было ли это на Дунае, по дороге на фронт или в бою – осталось неизвестным. Я не знала, где находится его могила в течение всего своего вдовства – 46 лет. Мои потомки в Палестине и сейчас, через 123 года после его гибели, зажигают свечу памяти и читают молитву кадиш. Для этого нужен кворум – 10 мужчин старше 13 лет. По слухам, мой муж был награжден медалью Святого Георгия «В память русско-турецкой войны». Мой праправнук попытался это выяснить и в 1958 г. обратился в архив Министерства внутренних дел СССР. Там хранятся документы о награждении всех российских военнослужащих до 1918 г. Оттуда получили очень интересный, вежливый и крайне оригинальный ответ – пусть этот человек (т.е. мой муж, погибший в 1877 г.!) явится лично для получения документа. Ничего не сумел ответить на это мой праправнук, кроме того, что послал всех, подписавших это письмо, туда же, где покоится прах его предка.

В этой войне принимали участие более 500 человек из Лифляндии, в кровавых боях участвовали и финские гвардейцы. Евреев было особенно много в 16-й и 30-й дивизиях, но и достаточно их воевало на стороне противника. На ум приходит печальная аналогия – в 1944 г. на обоих берегах р. Нарвы воевали брат против брата. Например, Эвальд из Рапла был красноармейцем, а его брат Раймонд – в немецкой армии. Оба на «правильной» стороне. На турецкой войне родилась еврейская песня – жена спрашивает у солдата – почему ты такой грустный, а он отвечает, что пришел из Плевны, с Балкан. После гибели мужа я решила уехать из Литвы в Тарту к родственникам. Они приняли нас приветливо, вместе мы решили, что лучше всего нам обосноваться в уездном городе Порхове Псковской губернии. Он был основан в 1239 г. как пограничный Великому Новгороду город. Там была небольшая еврейская община, примерно 400 человек, главным образом солдатские семьи.

Через 10 лет, в 1887 г. моя дочь Хинде уехала в Северо-американские штаты, и там вышла замуж за молодого человека по фамилии Крамер, украинского

происхождения. Я осталась в России. Сын мой Вулф утонул, а второй – Эльяким, жил со мной. Лева (имя его Эльяким-Лейб) назван был в честь обоих его дедов – таким был тогда наш обычай. И его внук назван так же. Лева учился два года в казенной школе, кроме того, учил немецкий и иврит, как любой в это время. У него был хороший почерк, именно потому его уговаривали принять христианскую веру, он бы мог тогда стать писарем, офицером и т.д. Но мы на это не согласились. Я ответила, что мы служим царю и Отечеству верой и правдой, но веру свою не изменим. Я зарабатывала на жизнь продажей лоскутов материи, получала также пособие как вдова солдата. Сын работал в разных фирмах.

В то время еврейские солдаты и их сыновья обычно женились на еврейских девушках из Литвы. Так и мой сын в самом конце 19 в. со своим другом - кантонистом Фромченко отправился в Вильно выбирать жену. Он выбрал себе красивую и богатую девушку Гиту из семьи Ханес. Она была моложе его на 3 года. Мы звали ее Ида. Вскоре после свадьбы сына мы перебрались в губернский город Псков, где сын открыл большой магазин бумаги и канцелярских товаров, а также издательство видовых почтовых открыток. Магазин был в центре города, в современном доме. Эти открытки можно и сегодня встретить в собраниях филокартистов. Торговые связи сына были главным образом с Лифляндией – Тарту и Выборгом). Мы ездили в гости к родственникам в Тарту, в Ямбург и другие места. У невестки были родные и в других городах Российской империи. Жизнь у меня была хорошая, только я очень скучала по дочери.

Вот я и поехала в 1903 г. к ней в Америку. Граница между Германской и Российской империями составляла тогда 1110 верст. Переехав Российскую границу, я оказалась прямо в Пруссии, и разница между жизнью в двух государствах сразу бросилась в глаза – на немецкой земле было гораздо чище и, глядя из окна вагона, я не видела пьяных. А вот в чем разницы не было – так это наличие на обеих сторонах людей в военных мундирах. Вскоре я прибыла в Гамбург. Я заранее заказала билет на самый скорый в то время пароход «Германия». Он существовал с весны 1900 г. всего пару лет и принадлежал пароходной компании Гамбург-Америка, был длиной в 663 фута, имел 4 трубы и водоизмещение в 16 тыс. тонн. Плавание было приятным, в 3 классе ехало много беженцев из Европы, среди них – большинство евреев, особенно из восточных и южных губерний России. В семьях были дети и старики, многих встречали в Америке отцы семейств, покинувшие Россию ранее. Мне думается, что на отъезд многих евреев из страны повлияло убийство хорошего императора Александра Второго 1 марта 1881 г. Я даже уверена, что это убийство имело влияние на весь ход истории Европы и мира.

Итак, я приехала в гости в район Нью-Йорка – Бронкс. Конечно, меня приняли хорошо, по-другому и быть не могло – я воспитала своих детей гостеприимными, как повелось еще при нашем праотце Аврааме. Семья дочери стала уговаривать меня остаться жить с ними (Хинде умерла в 1951 г), но у меня таких планов не было, ведь я приехала, чтобы навестить дочь и ее семью. Я привыкла жить в просторных местах, а здесь был страшный шум и гам. Прямо над крышами домов проходила скоростная железная дорога. Люди жили в тесноте, как кильки в банке и, хотя этот район и был населен евреями, они говорили на непонятном мне идише. Все это не способствовало появлению у меня желания остаться здесь жить. Было что-то отвратительное и унижительное в толкотне толпы на улицах, тяжелых

условиях работы на предприятиях, особенно в мастерских по изготовлению одежды. Так что я распрощалась и вернулась в Псков. Там я жила хорошо не только как вдова солдата, но и как богатая хозяйка, у меня был твердый характер, образ моей жизни был строг и богобоязнен. О моей духовной жизни распространяться не буду, ведь и в «Книге книг» праматери наши Сара, Ривка, Лея и Рахель о думах своих много не говорили.

В семье моего сына родились дети – первым появился сын. Названный в честь моего любимого мужа Мошей (Моозесом), мы звали его Мишей. Вскоре родилась его сестричка Фанни, мы звали ее Феней. Дети были способными, учились прилежно, хорошо владели французским языком, к мальчику приходил частный учитель иврита. Дети учились в Псковской гимназии. Жили мы в новом доме с садом и двором, я разводила кур. Каждая курица имела свое имя, одну из них я назвала в честь быстрой и говорливой знакомой госпожи Рибуши – Рибушихой. (Из этой семьи происходил Нахум Рибуш, род. в 1858 г. в Витебске. Будучи студентом Тартуского университета, он стоял у колыбели флага Эстонии). Однажды курица пропала, я послала внука на ее поиски. Мальчик вернулся и радостно сообщил, что Рибушиха нашлась – она провалилась в пустую бочку, и мальчик ее спас. Именно в это время к нам в гости пришла госпожа Рибуш, и было очень неудобно.

Детям нравился французский язык, в годы Первой мировой войны в Пскове стояли французские офицеры, и Миша показывал им старый город. После моего возвращения из Америки снова разразилась война, на этот раз, с японцами. Члены нашей семьи в ней не участвовали, зато во время Второй мировой мои американские внуки воевали с японцами в далекой Океании. Из Тарту на Русско-японскую войну пошли некоторые наши знакомые, например, Смелой, позднее – кучер похоронного бюро еврейской общины «Хевра Кадиша». Его сын Меир после службы в Эстонских силах обороны в 1923 г. поехал на поселение в Палестину. До конца жизни Меир содрогался, вспоминая увиденную им зимой 1918-1919 гг. в Тарту картину – на углу улиц Лао и Туру на льду реки Эмайыги большевики истребляли людей – снимали с них одежду, стреляли и трупы бросали в прорубь. Среди убитых были наш знакомый, отец семерых детей, усатый красавец Старк, и наш однофамилец Каплан, у которого красные выкололи глаза и отрезали нос. Меир Смелой дожил до старости и построил красивый дом в Рамат-Гане, окружив его фруктовым садом. На войну с Японией отправился из Тарту и Шварц, после бегства из Пскова мы недолгое время жили у него, но я ничего об этом не помню.

Мы были известными людьми как в своей общине, так и в городе. У сына были хорошие знакомые в Выборге. В войне 1939-1940гг. там сгорела синагога, к счастью, священные писания удалось спасти. Все члены еврейской общины города обосновались в других городах Финляндии. Известно, что и сегодня, почти через 80 лет после моей смерти, Выборг все еще продолжает оставаться захваченным Россией согласно пакту Молотова-Рибентропа.

В нашей налаженной жизни случилось несчастье – заболела моя любимая невестка Гита. Мы отвезли ее в больницу в столицу – Петербург, и там она скончалась в возрасте 34 лет. Мы похоронили ее в Пскове, поставили на могиле

красивую плиту из белого мрамора, такую же позже поставили мне, а через 50 лет ее разрушили красные вандалы.

Через несколько лет началась Первая мировая война. Сын женился вторично, свадьбу справили в Ораниенбауме. Звали невестку, как и меня – Малка. Она была из семьи бывших кантонистов Медуховских, еврейских хлеборобов. Она была красивая, высокая, с хорошим характером, незлобивая. Жизнь снова наладилась. Внук Миша относился к ней, как к родной матери, а Феня, к сожалению, с ней не ужилась.

Новая жена была на 11 лет моложе моего сына, но оба они родились в день праздника Хошана Раба. Ее дедушка дожил до 104 лет, я думала, что и у нее впереди будет длинная жизнь, но она умерла через 6 лет после меня и похоронены мы на одном кладбище. Мой правнук Эльяким обновил записи на наших могильных плитах краской, привезенной из Палестины. В Большой войне погиб брат невестки Самуил, он был награжден знаком отличия – Георгиевским крестом.

Через год в семье сына родилась дочь Рива (Ривка). Ее сын позднее станет офицером Израильской армии обороны, он погибнет в июне 1967 г. в Шестидневной войне.

Мы пока жили хорошо, но обстоятельства менялись быстро и не к лучшему – начались грабежи и убийства, сын приобрел револьвер. Но к власти пришли красные, и оружие пришлось выбросить в мусорную яму. Стала ощущаться нехватка всего, но у нас в доме были запасы благодаря нашим хорошим друзьям-эстонцам в городе Оудове (ныне Гдов Псковской обл.) и в Ингерманландии. Они помогали нам, мы – им. Они были образованными людьми, примерными хозяевами-земледельцами, музыкантами. К сожалению, они не захотели, как наша семья и многие другие псковские евреи, бросить нажитое трудом добро и бежать вместе с почти 40 тысячами эстонцев в только что родившуюся Эстонскую республику. Менее чем через 20 лет, когда моя семья жила в Тарту, они заплатили за это своей кровью – их грабили догола, высылали в Сибирь, убивали, унижали и даже заставляли отказываться от своей веры. Сына арестовали, но он каким-то чудом остался в живых, Б-г помог.

Наступил праздник Пейсах – освобождения евреев из египетского рабства, и членам еврейской общины не из чего было испечь мацу. Пришли ко мне. Мне было 78 лет, я уже не боялась ни красных бандитов, ни кого-то другого, зато были авторитет и самоуважение. Я ответила, что пока я живу в Пскове, маца на праздник будет в каждом еврейском доме. Пошла к властям, не просила, а требовала, достала специальную муку, и маца на праздники была у всех. Шла война, везде правила сила, не стало смысла оставаться в городе. Бежать было некуда, мы оказались отрезанными от дочери и родственников близ Тарту, к тому же невестка снова ждала ребенка.... Но Б-г всегда помогает тем, кто попадает в беду.

25 мая 1919 г. нас освободила от красной чумы армия обороны только что образованной Эстонской республики. Красные, в рядах которых было много латышей, бежали. Вместе с эстонской армией к нам в город пришла Белая армия во главе с происходившим из Литвы Булак-Балаховичем. И когда эстонских солдат не было рядом, белые начали грабить и убивать. С евреями и коммунистами у них были особые счета, к ним применялась крайняя жестокость. Кстати его личный

портной был евреем. Раньше Булак-Балахович служил в Красной Армии, но перешел к белым. Неизвестные люди убили его в 1940 г. в Варшаве.

Командиры в эстонской армии были молодые и стройные – К.Партс и Н.Реек, рядом с ними генерал Эрнст Пыддер выглядел очень спокойным и солидным, позднее он стал известным как победитель войны с Ландсвером. Руководителем Армии обороны Эстонской республики был молодой генерал Йохан Лайдонер. Прошел военный парад, и все мы чувствовали теперь себя свободными. А из названных освободителей своей смертью умер только генерал Пыддер, жизнь остальных эстонских героев была отнята красными палачами. Одна из улиц в г.Тарту носила имя Э.Пыддера, но теперешние отцы города по необъяснимым причинам предпочли ему, победителю Ландсвера - Пеплера.

Во второй день нашего освобождения родился мой младший внук, которого назвали в честь погибшего дяди Самуилом. Война продолжалась, и на семейном совете мы решили обосноваться в Лифляндии, теперь уже в Эстонии. В течение полутора лет мы насытились по горло райской жизнью для рабочих и крестьян в России. Сын с женой и уже четверьмя детьми пересек Чудское озеро, чтобы дожидаться в Тарту мира и исчезновения советского призрака, а после этого вернуться в Псков, где я сначала осталась. У освободителей были и военные корабли, которые они ввели в гавань Пскова на второй день после захвата города. Это было 26 мая 1919 г. в день рождение маленького Самуила. Кораблей было три – «Ахти» (бывш. «Ольга»), «Тарту» (бывш. «Юрьев», который в короткое время немецкой оккупации в 1918 г. был переименован в «Граф Кирбах») и третий, как и предыдущие, вооруженный пулеметами «Ванемуйне» (бывш. «Император», после революции – «Президент»). Жители Пскова ходили в гавань любоваться кораблями. Капитаном «Ахти» был прапорщик Андрей Юлий, «Тарту» - мичман Ян Узин и «Ванемуйне» - мичман А.Вунк, а с июля месяца – мичман Ян Рииз. Бросались в глаза и безупречное поведение команд и их опрятная одежда. Так, рабочая и форменная одежда матросов была чистой, обхождение – корректным, ценилась честь моряка. Совершенно противоположное мы видели в течение почти двух лет среди русских «революционных» матросов – крайнюю тупость. Я уже было подумала, что теперь все военные небрежны и невоспитанны, но внезапно отважные эстонские моряки появились на реке Великой как жители другой планеты.

На одном из этих пароходов уехала и моя семья, но не на временное житье, как предполагали, а на постоянное. Сын не верил, что уезжает навсегда, через 8 лет он писал сестре в Америку, что для возвращения домой время еще не пришло. Я осталась в Пскове, но через 3 месяца наши освободители отдали город белым, они продержались всего несколько дней и опять власть захватили красные. Я еще прожила там недолгое время, осенью сын прислал ко мне на помощь из Тарту свою доверенную экономку г-жу Нейтс. С ней мы отправились пешком и недалеко от линии фронта около Изборска перешли границу. Мы закутались в большие шали и выглядели как сетуские женщины

Эстонские корабли стояли в Тарту на якорях в конце ул.Лао, недалеко от деревообрабатывающей фабрики нашего однофамильца Каплана. В первый день

еврейского Нового года перед вечерней молитвой туда ходили читать молитву «Ташлих». Более обширная ее версия – ХИДА (Хаим- Иосиф – Давид – Азулай) читалась для благополучия моряков, капитанов, родителей и др.

Сыну посчастливилось отправить из Пскова в Тарту несколько вагонов с писчебумажными товарами, но они пропали – их украл Лео Мирвиц, потомок уважаемых родителей, воспользовавшийся нашим доверием и военным положением. Несмотря на это, семья наша снова встала на ноги, как Феникс из пепла. Мы жили на ул.Ууэтуру, 9, в этом же доме был писчебумажный магазин сына, но все это произошло уже после моей смерти.

Мне пришлось прожить в Эстонской республике в мире и покое, по-человечески и без страха еще 4 года. Здоровье ухудшалось, было трудно дышать. Последние дни пролежала в мучениях в обществе шестилетней внучки Ривы. И хотя, как наш праотец Яков сказал фараону, что «годы моей жизни были трудными, но их нельзя сравнить с тем, что пережили наши отцы» (Книга Моисея, 47,9) я все же могу поблагодарить Б-га – семья меня уважала и вся была рядом со мной, когда я умирала.

Мои потомку и члены семьи в последующие годы участвовали во многих войнах, служили в Британских, Российских, Американских, Эстонских и Израильских войсках от Соломоновых островов до Суэцкого канала и от Курляндии до Рейна.

Я же отдыхаю здесь, куда пришла много лет назад вдовой с тремя детьми, и благодарю всех моих мужчин, потомков священных людей, за то, что они меня, свою прабабку не забыли и приезжают в теперь опять свободный свой город Тарту и читают молитву у моей могилы.

Земля эстонцев-освободителей много натерпелась от захватчиков, но Эстония снова свободна, как я и надеялась, когда отправляла в Тарту семью из Пскова.

Да хранит их Всевышний. И закончу свою историю на старый манер – «И да придет Спаситель в Сион скоро, еще в дни нашей жизни».

Я умерла накануне Хануки – 23 декабря 1923 г. Меня нет уже давно, но я живу в своих потомках, я им завещала быть настойчивыми, преданными, правоверными и не позволять никому плевать в свою тарелку.

Хешван 5761 – зима 2000

Тель-Авив, Палестина